

А.В. Иванов, И.В. Фотиева

Нестяжательство как важнейшая ценность отечественной культуры

Andrey V. Ivanov, Irina V. Fotieva

Non-covetousness as the most important value of national culture

Статья посвящена борьбе двух противоположных мировоззренческих установок и соответствующих течений в политической, социокультурной и духовной жизни России – нестяжательства и иосифлянства. Это противостояние, зародившись в конце XV – начале XVI в., так или иначе воспроизводится на протяжении всей истории страны. Представлен детальный обзор базовых идей данных течений, форм их проявления в разные исторические периоды; рассмотрены подходы отечественных исследователей к данной теме и различные оценки вклада представителей нестяжательской и иосифлянской традиций в становление русской культуры и государства.

Авторами обосновывается плодотворность нестяжательских нравственных, ценностных, социальных и политических идей и установок. Она подтверждается, с одной стороны, негативными результатами победы иосифлянского направления уже в XVI в. во всех основных сферах жизни страны; с другой стороны – преемственностью идей и идеалов нестяжателей, их отражением и преломлением в научной, философской, социальной и политической мысли России, а также в искусстве на протяжении всего последующего исторического периода вплоть до настоящего времени. Отмечается, что в западной традиции также присутствуют подобные установки, хотя и в другой терминологии и с опорой на другие источники. Подчеркивается перспективность и своевременность возврата к идеям и ценностям нестяжательства, особенно в сегодняшний переломный момент исторического развития, что может стать важным фактором формирования новой цивилизационной модели, идущей на смену нынешней, во многом тупиковой техногенно-потребительской цивилизации.

Ключевые слова: Россия, цивилизация, западничество, почвенничество, нестяжательство, иосифлянство, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский.

The article is devoted to the struggle of two opposing worldviews and the corresponding trends in the political, sociocultural and spiritual life of Russia – non-acquisitiveness and Josephism. This confrontation, originating at the end of the 15th – beginning of the 16th centuries is reproduced in one way or another throughout the entire history of the country. A detailed review of the basic ideas concerning these tendencies, forms of their manifestation in different historical periods are presented; the approaches of domestic researchers to this topic and various assessments of the contribution of representatives of the non-possessive and Josephite traditions to the formation of Russian culture and the state are considered.

The authors substantiate the fruitfulness of non-acquisitive moral, value, social and political ideas and attitudes. It is confirmed, on the one hand, by the negative results of the victory of the Josephite direction already in the 16th century in all the main spheres of the country's life; on the other hand, by the continuity of the ideas and ideals of the non-possessors, their reflection and refraction in the scientific, philosophical, social and political thought of Russia, as well as in art throughout the entire subsequent historical period up to the present. It is noted that in the Western tradition there are also similar attitudes, although in a different terminology and based on other sources. The perspective and timeliness of a return to the ideas and values of non-acquisitiveness is emphasized, especially at the current turning point in historical development, which can become an important factor in the formation of a new civilizational model that replaces the current, largely dead-end technogenic-consumer civilization.

Keywords: Russia, civilization, Westernism, pochvenism, non-possessiveness, Josephism, Joseph Volotsky, Nil Sorsky.

Введение

Развитие России, помимо природных и социально-экономических факторов, во многом определяется борьбой противоположных мировоззренческих установок. Одно из таких столкновений носит геополитический и цивилизационный характер, связанный со срединным положением России между Востоком и Западом. Оно проявляется уже в 30-е гг. XIX в. в форме полемики западников и славянофилов (почвенников) и далее проходит в тех или иных модификациях сквозь всю историю страны. Сегодня можно констатировать явное преобладание почвеннических идей, и это связано не только с прямым столкновением России и Запада на Украине, но с тем, что Запад открыто и принципиально признает Россию цивилизацией чужой и чуждой.

Еще Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» отмечал, что Европа «своими нас не признает, презирает нас втайне и явно, считает низшими себе как людей, как породу» [6, с. 465]. Новым сегодня является только то, что мы впервые названы стратегическими «цивилизационными врагами». Мы чужды Западу из-за своих вековых идей и ценностей: соборности, а не индивидуализма и социального атомизма; почитания семьи, а не культа чувственных удовольствий и прав на смену пола; устремленности к лучшему будущему страны и мира, а не к обывательскому счастью здесь и теперь. Поэтому самое время отстаивать свою идентичность и искать в других ча-

стях света цивилизационных союзников. Отказ от признания самобытности на государственном уровне будет сегодня равносильно тотальной капитуляции перед Западом.

Подчеркнем: это ни в коем случае не должно сопровождаться гонениями на русских интеллектуалов-западников, – если, конечно, их высказывания и действия не носят откровенно экстремистского и русофобского характера. Свобода мировоззренческого самоопределения и право аргументированно высказывать свою точку зрения – это важнейшее условие духовного здоровья общества и его развития. Прав был Н.А. Бердяев в том, что интересы страны могут потребовать экономической диктатуры, но духовная диктатура недопустима, особенно в отношении представителей академических научных кругов. Именно эта интеллектуальная среда через столкновение противоположных взглядов рождает стратегические идеи и проекты, открывающие для страны новые горизонты. К тому же исторический опыт показывает, что гонения на инакомыслящих всегда дают результаты, противоположные ожидаемым, а лучший ответ государства на критику – это реальные успехи в развитии страны и воля к искоренению имеющихся недостатков.

Следует отметить и другой момент: патриотический подъем народа часто, к сожалению, влечет за собой распространение националистических идей, не менее ложных и опасных, чем западнические либерально-космополитические идеи. Тут прав был другой выдающийся русский мыслитель почвеннической консервативной ориентации – К.Н. Леонтьев, подметивший сходжение крайностей космополитизма и национализма: «Кто радикал отъявленный, т.е. разрушитель, тот пусть любит чистую племенную национальную идею; ибо она есть лишь частное видоизменение космополитической разрушительной идеи» [20, с. 42].

В связи с этим встает вопрос: на какие стратегические идеи и ценности, укоренные в отечественной истории и культуре, следует сегодня сделать ставку? Здесь самое время обратиться к другой важнейшей мировоззренческой оппозиции в истории России, касающейся взаимоотношений государства и общества, государства и Церкви, материальной и духовной компонент личного и социального бытия. Имеется в виду противоречие между *нестяжательством* и *иосифлянством*, восходящее к идейным коллизиям русского Средневековья.

Противоборство нестяжательских и иосифлянских идей и их оценка в отечественной культуре

Возникновение конфликта между иосифлянами и нестяжателями приходится на конец XV – начало XVI в., период формирования централизованного русского государства во главе с Москвой. Нестяжательская идеология

формировалась в среде заволжского старчества. Его лидерами были авторитетные в церковной среде и уважаемые тогдашней княжеской властью духовные подвижники – Паисий Ярослав и Нил Сорский.

Идейная программа *нестяжателей* в плане организации монашеского бытия подчеркивала безусловный приоритет внутренней духовной жизни и личного совершенствования; критиковала пышный культ и обрядоверие, категорически отрицала монастырское землевладение и паразитическое использование чужого труда. Нестяжатели в соответствии с заветами Сергия Радонежского настаивали на обязательности труда монахов и принятии лишь добровольных подаяний. В отношении государства они отстаивали духовную и институциональную независимость Церкви и ее право нравственного суда над властью. В сфере культуры нестяжатели были поборниками религиозного просвещения, всеобщей грамотности монашества, знания латыни и греческого языков, развития не только дара религиозного «умного видения», но и интеллекта. Важной чертой мировоззрения заволжских старцев был принцип убеждения, а не насилия над инакомыслящими, что стало особенно актуальным в условиях распространения в то время на Руси так называемой «ереси жидовствующих».

После смерти Паисия и Нила лидерами нестяжателей стали Вассиан Патрикеев и приехавший на Русь в 1518 г. для сверки богослужебных книг афонский старец Максим Грек (Михаил Триволис). Вокруг него, превосходившего по своему культурному уровню представителей тогдашней русской интеллектуальной элиты и отличавшегося качествами подлинного духовного учителя, сложился круг, откуда впоследствии вышли деятели так называемой Избранной рады, обеспечившей военные, политические и социальные успехи первого периода правления Ивана Грозного. Этот круг стал подлинным центром культурной жизни тогдашней Москвы. А.И. Клибанов даже называет его «Московской академией» Максима Грека [15, с. 166]. В трудах Максима Грека мы находим достаточно целостную нестяжательскую философию власти, важнейшими элементами которой являются миролюбие, открытость другим странам и народам (страннолюбие), социальная справедливость и нравственная правда, без которых не может быть подлинно христианской власти.

Вот характерный фрагмент из «Послания к благоверному царю и великому князю всея России Иоанну Васильевичу»: «Есть много таких свойств, которыми благочестно царствующие на земле уподобляются небесному Владыке, каковы – кротость и долготерпение, попечение о подчиненных... правда и милость... Это делает начальствующих подобными Богу, и державу их не только утверждает и сохраняет в глубоком мире и тишине, но и прославляет их знаменитыми победами, низведя на них свыше помощь десницы Вседержителя» [21, с. 219–220].

Иные взгляды исповедуют представители иосифлянства. Их лидер – Иосиф Волоцкий, настоятель Волоколамского Успенского (впоследствии Иосифо-Волоколамского) монастыря. По его мнению, Церковь не просто может, а должна владеть монастырскими землями, ибо это залог ее благосостояния и возможности осуществлять свои социальные функции. С точки зрения отношения государства и церкви Иосиф Волоцкий стоит на позициях, противоположных нестяжательским: церковь обязана защищать и оправдывать государственную власть, а власть за это – создавать благоприятные условия для деятельности Церкви, в частности, ограждать ее от происков еретиков. В отношении инакомыслящих необходимо применять самые суровые средства, вплоть до смертной казни. Именно Иосиф Волоцкий стал инициатором смертной казни для представителей «ереси жидовствующих». Таким образом, как показывает Н.Н. Алексеев, позиция Иосифа Волоцкого – это причудливый симбиоз ветхозаветного законничества и языческого обожествления царской власти с культом страха и абсолютного повиновения со стороны подданных.

Это касается и организации монашеской жизни, где по лично написанному Иосифом Волоцким Уставу его монастырь стал напоминать скорее казарму, нежели братскую духовную обитель. «То, чего Иосиф требовал от каждого волоколамского инока, – пишет иеромонах Иоанн (Кологривов), – это было полнейшее послушание... С помощью многочисленных надзирателей, глаз игумена видел все, никакой, даже самый малый проступок не мог ускользнуть от этого надзора... Идеал общежития – не маленькая группа братьев, свободно объединенных молитвою и любовью (как у Преп. Нила), а дисциплинированный отряд духовных бойцов, борющихся с грехом под руководством опытного наставника» [12, с. 200].

Борьба между нестяжателями и иосифлянами закончилась, как известно, политической победой последних. Вассиан Патрикеев и Максим Грек были осуждены и брошены в тюрьму. Сочувствующие им деятели православного клира лишены значимых постов в церковной иерархии, заволжские скиты разгромлены, а культурное и духовное наследие нестяжателей на долгие годы забыто. Общая оценка исторического противоборства иосифлян и нестяжателей в отечественной интеллектуальной традиции противоречива.

Ряд авторов позитивно оценивает деятельность Иосифа Волоцкого и его соратников. Видный историк русской православной Церкви А.В. Карташев пишет: «...Если не диктовать древней русской истории современных нам оценок и программ, а признать органически неизбежным генеральный ход ее по безошибочному инстинкту биологического самоутверждения (а не буддийского самоотрицания), то надо нам, историкам церкви... пересмотреть банальное, пресное, гуманистическое оправдание идеологии и по-

ведения “заволжцев” и признать творческую заслугу величественного опыта питания и сублимации московско-имперского идеала» [14, с. 303].

Чаще встречается точка зрения, считающая равновеликим вклад Иосифа Волоцкого и Нила Сорского в становление русской культуры и государства, а также утверждающая отсутствие кардинальных расхождений между ними. Но неподтвержденность фактов личной неприязни между Иосифом и Нилом не свидетельствует, как это представляется, например, В.В. Кожинуву, об отсутствии принципиальных расхождений между ними [19, с. 385]. Понимание сути монашеского служения, отношение к власти, монастырской собственности, еретикам и к внешней церковной обрядности у Нила Сорского и Иосифа Волоцкого принципиально различны, иначе не было бы беспощадного разгрома нестяжательского лагеря, о котором В.В. Кожинув вообще умалчивает. Это хорошо показано в исследовании Г.М. Прохорова, который пишет: «Проживи старец Нил подольше, он, наверное, тоже умер бы безвыходно заточенным в одиночной келье-камере Иосифова Волоколамского монастыря, как его ученик и последователь Вассиан Патрикеев» [26, с. 41]. Не прав, на наш взгляд, В.В. Кожинув и в том, что приписывает негативное отношение к Иосифу Волоцкому исключительно сторонникам либеральных взглядов на русскую культуру и историю.

Противоположность позиций двух лидеров церковных лагерей ясно осознает Г.В. Флоровский, но он тоже согласен с их равновеликим вкладом в развитие Руси: «Разногласие между иосифлянством и заволжским движением можно свести к такому противопоставлению: завоевание мира на путях внешней работы в нем или преодоление мира чрез преобразование и воспитание нового человека, чрез становление новой личности. Второй путь можно назвать и путем культурного творчества...» [25, с. 22]. Неясно, правда, как возможно христианское «завоевание мира» без воспитания нового человека и без культурного творчества. Еще более неудачна попытка Г.П. Федотова представить позиции Иосифа Волоцкого и Нила Сорского в качестве двух сторон одной медали. С одной стороны, говоря об Иосифе Волоцком, он отмечает «созвучие его дела национально-государственному идеалу Москвы с ее суровой дисциплиной, напряжением всех социальных сил и закрепощением их в тягле и службе. Последнее объяснение легкой победы иосифлян – в торжестве национально-государственных задач над внутренне-религиозными» [30, с. 317–318]. С другой стороны, вряд ли подлинный национально-государственный идеал может сочетаться с деградацией духовной жизни народа.

«Роковой гранью является середина XVI в. ... – пишет, противореча самому себе, Г.П. Федотов. – К 50-м годам относится разгром волжских скитов... Осифлянство торжествует полную победу в Русской Церкви. Но оно явно оказывается неблагоприятным для развития духовной жизни. Среди учени-

ков преподобного Иосифа мы видим много иерархов, но ни одного святого» [29, с. 250]. Он делает и более сильный вывод, утверждая, что в борьбе с Нилом Сорским и его учениками Иосиф Волоцкий разрушал традиции, заложенные Сергием Радонежским [29, с. 231].

Сегодня эта тема представлена в ряде статей, касающихся не только взаимоотношений иосифлян и нестяжателей, но и различных аспектов жизни и деятельности лидеров данных движений, их роли в развитии православной богословской мысли и духовной практики. При этом можно отметить тенденцию к признанию не только большей духовной правоты нестяжателей, но и практической реализации их идей и даже конечного исторического успеха. Так А.А. Исаков пишет: «В целом Нил Сорский сумел создать достаточно непротиворечивую концепцию воплощения нестяжательского идеала» [13, с. 95], а О.С. Климков резюмирует: «Нестяжатели во главе с Нилом Сорским потерпели сокрушительное поражение на московском Соборе, но победили в истории, оказав серьезнейшее влияние на развитие свободной мысли и духовности в русском обществе» [16, с. 40].

Чтобы правильно и целостно оценить победу той или иной системы идей, необходимо посмотреть на реальные плоды этой победы, а они прямо свидетельствуют против иосифлянского мировоззрения.

С **политической** точки зрения большинство историков и политологов сходятся на том, что именно Иван Грозный с наибольшей последовательностью реализовал иосифлянский идеал неограниченной власти. «Ближайшим коронованным учеником Иосифа, – отмечает Н.Н. Алексеев, – был царь Иван Васильевич Грозный, оставивший нам чисто иосифлянскую, весьма стройную теорию российского абсолютизма, построенную, как ему казалось, в православном духе. На самом же деле замечательная теория Грозного довольно точно воспроизводит основные мотивы языческого монархизма» [1, с. 62]. Иосифлянство несет ответственность за Великую Смуту начала XVII в., когда выяснилось, что на Руси и государство без правды, и церковь почти без духа, и народ в массе своей – без глубокой веры, когда русские казаки вместе с поляками осаждают Троице-Сергиеву Лавру, главную духовную святыню России. Показательно, что в канун Смуты первым патриархом-иосифлянином Иовом будет канонизирован именно Иосиф Волоцкий. В отличие от него, о Ниле Сорском вспомнят лишь спустя столетия.

С **социально-экономической** точки зрения утверждение монастырского землевладения и оправдание обогащения монастырей привели к двум крайне негативным тенденциям. Это, во-первых, монастырское ростовщичество, осуждению которого одно из своих Слов был вынужден посвятить Максим Грек [24, с. 80]; и, во-вторых, появление так называемых «вкладов по душе», когда монастырю жертвовали огромные деньги и отписывали це-

лые вотчины с целью отмолить чью-то грешную душу. Распространились представления, что нет греха, которого нельзя было бы отмолить – дело только в количестве молитв и размере вклада¹. Нельзя отрицать и того факта, что закрепощение крестьян, нараставшее на протяжении всего XVI в., осуществлялось при непосредственном участии победившего иосифлянства. Как отмечает В.О. Ключевский, «монастырское землевладение... содействовало и увеличению тягости крестьянского труда, и уменьшению его свободы» [18, с. 270].

Что касается **культуры и просвещения** во второй половине XVI в., то и здесь плоды иосифлянства были отрицательными. Это наглядно иллюстрируется одним примером: если Нил Сорский и многие его ученики еще знают греческий язык, то Иосиф Волоцкий, человек исключительно начитанный, греческого уже не знает. Ко второму же десятилетию XVI в. выясняется, что в Москве, вроде бы прямой преемнице Византии и, так сказать, Третьем Риме, нет не только квалифицированных переводчиков с греческого языка, но даже его более-менее сносных знатоков. В результате Максим Грек, приехавший как раз для перевода Толковой псалтыри и не знавший первоначально русского языка, вынужден был переводить с греческого сначала на латынь, а потом его помощники с латыни переводили текст на русский. Кстати, спасаясь от давления иосифлян, на Западную Украину во Львов, входивший тогда в состав Речи Посполитой, вместе с другими просвещенными нестяжателями вынужден был бежать и наш первопечатник Иван Федоров.

Все это заставляет согласиться с общей оценкой деятельности нестяжателей и иосифлян, данной Н.А. Бердяевым: «Нил Сорский – предшественник вольнолюбивого течения русской интеллигенции. Иосиф Волоцкий – роковая фигура не только в истории православия, но и в истории русского царства. Его пробовали канонизировать, но в сознании русского народа он не сохранился, как образ святого. Вместе с Иваном Грозным его нужно считать главным обоснователем русского самодержавия» [3, с. 48–49]. Позиция разделялась такими разными мыслителями, как В.С. Соловьев и Д.Л. Андреев.

Многие современные историки и политологи разделяют данную точку зрения, не отрицая и положительных результатов деятельности Волоколамского игумена, например, его поддержки храмового строительства и древнерусских иконописцев². Налицо также хозяйственные успехи в деятельности ряда монастырей, особенно Соловецкой обители. Вместе с тем стратегические результаты деятельности иосифлян оказались разрушительными, а те их

¹ Любопытно, что своеобразные иосифлянские «вклады по душе» стали весьма популярными среди нынешней российской финансовой и политической «элиты» в виде крупных пожертвований возрожденным церквям и монастырям с бронированием мест для своего последующего погребения с монашескими молитвами о душе вкладчика.

² Тут со взглядами В.В. Кожина, безусловно, можно согласиться.

представители, которые сыграли созидательную роль в русской истории (например, знаменитые московские митрополиты XVI в. Макарий и Филипп), действовали скорее как владыки-нестяжатели, нежели правоверные ученики Иосифа Волоцкого.

Исторические грехи иосифлянства и черты нестяжательского мировоззренческого идеала

Теперь вернемся к высказанному во введении тезису, что есть все основания рассмотреть взаимоотношения между нестяжательством и иосифлянством как **проходящую через всю историю России последних шести веков борьбу двух противоположных систем политических, социокультурных и нравственных идей** с соответствующими историческими результатами.

Это одним из первых четко сформулировал уже упомянутый Н.Н. Алексеев. «Идейные разногласия представителей иосифлянской школы и их политических противников не потеряли до наших дней своего актуального значения... Над восточным русским православием доселе витают еще полужыческие призраки иосифлянства, и полузабытым для него остается та, другая интуиция политического мира, которая в эпоху укрепления Москвы сформулирована была партией “заволжских старцев” с Нилом Сорским во главе, развита была публицистом XVI в. Вассианом Патрикеевым, в важнейших пунктах поддержана была Максимом Греком и долго отражалась в политических трактатах позднейшей Московии» [1, с. 84].

Н.Н. Алексеев называет завещанный нестяжателями государственно-политический идеал «государством правды»: «В личном, нравственном смысле правда эта требовала не внешней, иосифлянской обрядности, но внутренней работы над собою... В социально-экономическом... согласования фактического уклада жизни с требованиями евангельской любви... В политическом смысле она не восставала против монархии, однако и не считала установившуюся иосифлянскую монархию носителем справедливости и правды. Она требовала преобразования московской монархии в государство правовое. С точки зрения объективного права это означало подчинение царя началу законности... С точки зрения прав субъективных это совпадало с упрочением в государстве большей личной свободы. Отсюда безусловная враждебность писателей вышеочерченного направления к рабству, которое они считали несовместимым с христианством. Отсюда их большая гуманность по отношению к еретикам и принципиальное признание начала религиозной свободы. Наконец, с точки зрения участия граждан в управлении государством, “московская правда” придерживалась мнения о необходимости ограничить самодержавие некоторым народным “советом” с более или менее широким началом представительства» [1, с. 93].

Здесь следует искать истоки деятельности Избранной рады в начальный период царствования Ивана Грозного с первым Земским собором, ответственностью царской власти перед подданными в противовес боярскому произволу, с победой народа над Казанским ханством, с заботами власти о бедняках и сиротах. Впоследствии возрождение нестяжательских идей и идеалов можно усмотреть в деятельности Земских соборов первой половины XVII в., в начале царствований Александра I и Александра II. Впрочем, гораздо зримее они проявляются в жизни и творчестве отдельных социальных групп и выдающихся деятелей русской истории и культуры – таких, как митрополиты Платон (Левшин) и Филарет, Паисий Величковский и старцы Оптиной пустыни, путешественники Н.Н. Миклухо-Маклай и Г.Н. Потанин, ученые М.В. Ломоносов и Н.М. Карамзин, Д.И. Менделеев и В.И. Вернадский, полководцы Александр Невский и А.В. Суворов, писатели А.С. Пушкин, Ф.М. Тютчев и Ф.М. Достоевский, философы В.С. Соловьев и П.А. Флоренский, художники В.И. Суриков и Н.К. Рерих, предприниматели П.М. Третьяков, основатель Третьяковской галереи, и С.И. Мамонтов, проложивший железные дороги в Донбасс и на север, основавший первую русскую частную оперу³. При всем различии жизненных путей этих людей объединяет главное: бескорыстное служение своему народу, а не стяжание власти, богатства или славы; верность нравственным устоям; понимание необходимости приоритетного развития науки и культуры по сравнению с материальными условиями жизни; внутренняя свобода и неприятие физического и духовного насилия над людьми; вера в будущее своей страны и понимание ее всемирного значения. Нестяжательский патриотизм не имеет ничего общего с национализмом, всегда стяжательским⁴ и идейно нетерпимым. О кардинальном различии национализма и патриотизма точно высказался Н.А. Бердяев: «Патриотизм великого народа должен быть верой в великую и мировую миссию этого народа, иначе это будет национализм провинциальный, замкнутый и лишенный мировых перспектив» [2, с. 120].

Можно и вообще говорить о двух параллельных линиях русской и мировой истории. С одной стороны, это история войн и борьбы за власть, экономических успехов и политических интриг, религиозных и национальных конфликтов. Эту привычную событийную историю, естественно, надо изу-

³ Этот список, естественно, можно и нужно расширить. Более подробное исследование борьбы иосифлянства и нестяжательства в русской истории можно найти в коллективной монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации.

⁴ Национализм часто связан с комплексом неполноценности, когда ссылками на величие своего народа силятся прикрыть личное убожество, как бы стяжать то, что тебе лично не принадлежит. Кстати, и либеральный космополитизм – плод того же самого комплекса, но где себе приписывают то (свободу мышления и чувство собственного достоинства), чем твой народ якобы не обладает.

чать, чтобы получить непредвзятую картину прошлого. Однако помимо этой «профанной» и стяжательской есть история, которая может быть названа «духовной» и **нестяжательской** – в форме появления и распространения новых творческих идей, периодов мира и культурных взлетов, когда побеждали сотрудничество между народами, национальная и религиозная терпимость, расцветали науки и искусства. Эти эпохи – «золотой век» Перикла, китайская эпоха Тан, итальянское Возрождение или даже первый период правления Ивана Грозного – чаще всего были краткими, но оставляли неизгладимые следы в памяти потомков как «эстафеты духа», светоносные связующие нити истории. Неслучайно кружку Перикла будут подражать и деятели Каролингского возрождения, и участники кружка Лоренцо Медичи. Эпоха Тан станет на века предметом художественного и исторического осмысления в китайской культурной традиции, а отголоски деятельности Избранной рады можно обнаружить в идеях и делах просвещенных интеллектуалов (например, М.М. Сперанского и Н.А. Милютина), сплотившихся вокруг Александра I и Александра II в ранний, реформаторский период их царствований. Можно привести пример и удивительной личностной нестяжательской «эстафеты духа» в русской истории⁵, тянущейся от митрополита Платона (Левшина) в период царствования Екатерины II до отца Павла Флоренского через деятельность митрополита Филарета (Дроздова) и духовного подвижника А.А. Мечева [9, с. 227–228].

Соответственно, можно выделить и личностный идеал нестяжательства. Он ярко представлен в высказываниях двух гениев России. Одно из них принадлежит А.С. Пушкину, где подчеркивается творческий аспект этого идеала:

*«...Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный».*

Другой, скорее социально-антропологический аспект этого идеала фиксирует Ф.М. Достоевский. Он видит его как «совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех», при этом делает чрезвычайно тонкое и точное замечание: «Что ж, скажете вы мне, надо быть безличностью?.. Напротив... **именно надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени** (выд. нами – *авт.*), чем та, которая теперь определилась на Западе... Самопожертвование себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли» [5, с. 428–429].

К сожалению, именно иосифлянские идеи и практики доминируют и в мировой, и в русской истории. Гораздо проще править самовластно и подавлять оппозицию, чем прислушиваться к критике и аргументированно по-

⁵ Как бы сверхвременного духовного родства.

лемизировать; Церкви легче стать служанкой государства и пользоваться его покровительством, чем быть независимой Церковью воинствующей правды⁶. Стяжание власти и богатства понятнее для обывательского сознания, чем аристократическое служение своей стране и народу.

Примеры торжества иосифлянского мировоззрения и практики могут быть усмотрены и в доимперский, и в имперский, и в советской период отечественной истории, будь то властное самодурство Ивана Грозного, абсолютизм Николая I или сталинская диктатура. Но здесь следует сделать три важные оговорки.

Во-первых, часто можно услышать аргумент, что российское самодержавие – это естественный ответ на труднейшие природно-климатические и исторические (в виде постоянных внешних военных угроз) условия, в которых всегда вынуждена была существовать Россия.

Однако победа над поляками во времена Смуты стала возможной благодаря народному ополчению Минина и Пожарского, а преодоление ее последствий – созыву Земских соборов, где народ добровольно разделил с властью ответственность за судьбы страны. Победа над французами вряд ли бы стала возможной без толстовской «дубины народной войны». Победа над фашистской Германией стала неизбежной, когда народы СССР поняли, что немцы пришли не освободить их от сталинского произвола, а уничтожить именно как независимые народы. Напомним также, что и освоение Сибири стало результатом народной инициативы, смекалки и способности к самоорганизации. Власть лишь поддержала инициативу Ермака, ставшего подлинно народным героем. Что касается сложных природно-климатических условий России, то и здесь решающую роль играла не имперская централизованная власть, особенно в той же Сибири, а общинное, артельное и кооперативное обустройство народной жизни. Можно утверждать, что без нестяжательской самоорганизации народа становление России как великого евразийского государства было бы невозможным.

Во-вторых, произвол «сверху», как известно, порождает кровавый социальный хаос, политический разброд и идейную анархию «снизу». Это может быть боярская вседозволенность, на которую сначала справедливо, а потом все деспотичней обрушивается Иван IV, или казацкая распоясавшаяся вольница Смутного времени, сотрудничающая с оккупантами-поляками. Это может быть кровавая пугачевщина и стрелецкая вольница, беспощадно подавляемые Екатериной II и Петром I. Интересно, что схождение этих тупиковых русских крайностей (бунт и хаос снизу – деспотическая власть сверху) была гениально схвачена В. Суриковым в «Утре стрелецкой казни». Здесь взор государственника-Петра встречается с полным ненависти взором бунтаря-

⁶ За это Иваном Грозным был свергнут с поста митрополита и умерщвлен обличавший его кровавый произвол Филипп (Колычев).

стрельца со свечой в руке. Над ними – усеченные главы куполов собора Василия Блаженного, а из центра картины на зрителя смотрит девочка в красном платке, которая словно вопрошает: «Когда же все это закончится?». При этом показательно, что кровавые «иосифлянские круги» в русской истории воспроизводятся постоянно, в том числе и в нашей истории XX–XXI вв.

И *третий*, очень важный момент. Оппозицию нестяжательства и иосифлянства нельзя трактовать рассудочно и абстрактно. Она не является жесткой, а подразумевает моменты смещения сторон в сложных и противоречивых государственных и культурных формах, а также неоднозначные исторические результаты, требующие разумного диалектического понимания.

Так, государственный абсолютизм и жестокость петровских реформ дали мощный импульс развитию отечественной науки, культуры и образования, а его ученичество у Запада было глубоко творческим, воплотив русский «дух всемирной отзывчивости». Н.С. Трубецкой сетовал, что учреждение Священного Синода при Петре разрушило российское «бытовое исповедничество» [27, с. 53], – по сути, воплощавшее типичное иосифлянское обрядоверие. Но именно петровские попытки административного подчинения Церкви государству парадоксальным образом возродили традиции нестяжательского религиозного подвижничества и духовного просвещения в деятельности Паисия Величковского и его школы. Да и сам Петр воплотил дух бескорыстного служения России.

Что касается советской власти, то и ей были присущи **нестыжательские ценности подчинения личных интересов интересам общества, культ знаний и высокой культуры, братства народов, устремленности к общему лучшему коммунистическому будущему**. Без этих ценностей, принятых народом, были бы невозможны ни победа в Великой отечественной войне, ни трудовые и культурные успехи социализма.

Прав был Н.А. Бердяев, утверждавший, что эти ценности были по своей глубинной сути вполне христианскими и, добавим, нестяжательскими. Можно согласиться с ним и в общей оценке противоречивой природы отечественного коммунистического проекта: «С традиционно-русским характером коммунизма связаны и его положительные, и отрицательные стороны: с одной стороны, искание царства Божьего и целостной правды, способность к жертве и отсутствие буржуазности, с другой стороны абсолютизация государства и деспотизм, слабое сознание прав человека и опасность безликого коллективизма» [2, с. 153].

В русской истории никогда, к сожалению, не было более или менее целостного воплощения нестяжательского идеала «государства правды» и широкого распространения соответствующего личного идеала жизни, – хотя в советский период мы сталкиваемся с массовыми примерами своеобразного атеистического праведного жития. Крушение же отечественного социа-

лизма было связано с «торжеством» сугубо стяжательских идей и ценностей и стало абсолютной победой иосифлянства.

Принцип общего блага и бескорыстного труда был заменен принципом личного обогащения любой ценой с лозунгами «стыдно быть бедным» и «разрешено все, что не запрещено законом». Высокая культура, наука и образование были принесены в жертву массовой коммерческой культуре с проникновением стяжательских идей туда, где им вообще нет места – в сферу высшего образования [11].

Братству народов и единству государства была противопоставлена анархия с ельцинским лозунгом «берите власти, сколько сможете», где расцвели и мирно ужились тупиковые крайности национализма и либерального космополитизма. Во вроде бы возродившейся православной Церкви широкое распространение получили обрядоверие и готовность обслуживать интересы нового господствующего класса. Идеологические гонения в 1990-е гг. обрушились уже на коммунистов и почвенников с откровенным искажением и поруганием советской истории.

Подчас можно услышать следующий аргумент, как бы оправдывающий постперестроечную победу иосифлянских идей и настроений: люди, родившиеся в коммунальных квартирах, просто захотели пожить в многокомнатных личных особняках. Но стяжатель тем и отличается от нестяжателя, что первый хочет жить в особняках, презирая и обирая собственный народ; а второй, обретя власть и деньги, направляет их на то, чтобы *весь народ* перестал жить в коммунальных квартирах.

Необходимость возвращения к нестяжательским устоям национальной жизни

Как выходить из этих заколдованных кругов русской истории, где обе крайности, безусловно, плохи: как безбрежная свобода-произвол, так и тирания; как слабое государство, так и его всевластие; как отсутствие всяких авторитетов, так и культ отдельной личности; как социальный хаос, так и предельно жесткий порядок. К тому же, подчеркнем еще раз, противоположности рано или поздно переходят друг в друга: деспотия ведет к бунту и хаосу, а социальный хаос и вседозволенность – к новым формам деспотии. Ответ здесь очевиден: надо **сознательно и системно возвращаться к нестяжательским идеям, ценностям и практикам русской истории.**

В плане *мировоззренческих устоев бытия* отметим, что ни в коем случае нельзя воспроизводить советский идеологический формализм, вызывающий отторжение у мыслящего человека. Следует научными и художественными средствами **раскрывать историческую роль и значимость ве-**

ликих *нестяжательских* ликов русской истории⁷, *национальных святых народов России* типа архитектурных ансамблей Московского и Казанского Кремля, Куликова поля, пушкинского Михайловского, сокровищ Троице-Сергиевой Лавры с ракой преподобного Сергия или Иволгинского дацана в Бурятии с нетленными мощами Хамбо-ламы Итигэлова. Они хранят память о подвигах, культурных и религиозных достижениях народов, наглядно воплощая их базовые ценности.

Наконец, существуют «осевые» творения, где подвергаются творческому осмыслению важнейшие ценности национальной культуры, своеобразие ее культурного пространства и важнейшие вехи истории. «Осевые» творения отличаются исключительной смысловой глубиной и художественными достоинствами, делающими их интересными и актуальными на все времена и для всех поколений; они обеспечивают единство данного народа в пространстве и во времени. Так, Россия не утрачивает своей цивилизационной идентичности, пока от Балтики до Тихого океана, от подросткового и до старческого возраста люди читают Пушкина, исполняют и слушают музыку Рахманинова, размышляют над философскими творениями П.А. Флоренского и романами Л.Н. Толстого.

В плане *государственно-политических оснований* обустройства российского общества целесообразно вернуться к советскому народовластию, уходящему в глубины отечественной соборно-демократической традиции, когда власть строится по принципу «от периферии к центру и снизу вверх», а на вершину государственной пирамиды постепенно продвигаются проверенные в реальном деле и наиболее талантливые представители от территорий и профессиональных корпораций. «*За Советы без коммунистов*» – этому абсолютно правильному лозунгу так пока и не суждено было сбыться в русской истории [8].

Полезно также вспомнить о важнейших *нестяжательских* принципах отбора и существования правящих элит, которые были сформулированы еще Конфуцием и Платоном. Конфуций писал: «Благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду» [7, с. 149]. Немного по-другому этот критерий отбора подлинной элиты формулирует Платон. Для него власть надо доверять только тем, у которых есть *ценности, превышающие ценность властвования*. Отсюда и платоновский идеал элиты, состоящий из философов, для которых высшей ценностью является истинное знание и идея Блага. Платон всегда был противником стяжательства, считая олигархию одной из самых плохих форм правления, а в поздний период творче-

⁷ Едва ли не эталонным примером такого рода является фильм «Александр Невский», где режиссерский гений С. Эйзенштейна был органически дополнен музыкальным гением С. Прокофьева.

ства справедливо указывая, что самые благородные нравы складываются в тех обществах, где «не обитают богатство и бедность» [23, с. 129].

Если посмотреть на выдающихся деятелей русской истории, то деятельность Избранной рады вдохновляется в первую очередь принципом социальной справедливости. Федор Ртищев, ближайший соратник царя Алексея Михайловича, руководствуется христианским принципом любви к ближнему, а также необходимостью развивать просвещение на Руси (кстати, этой удивительной фигуре русской истории значительное внимание уделил В.О. Ключевский [17]).

Служение Отечеству на государственном, военном, научном или культурном поприщах – лейтмотив жизни и М.В. Ломоносова, и А.С. Суворова, и Ф.М. Тютчева, и «железных» сталинских наркомов. Не формальные и мертвые идеологические мероприятия, а вдумчивое и заинтересованное погружение в жизнь, труд и творчество подобных личностей выполняет воспитательные функции в обществе. «Наилучшее воспитание молодых людей, да и самих себя, заключается не во внушениях, – пишет Платон в «Законах», – а в явном для всех осуществлении в собственной жизни того, что внушается другому» [23, с. 181].

В *экономическом* плане главный принцип нестяжательства сформулировал еще Нил Сорский: «И не только обладания золотом и серебром подобает нам избегать, но и всяких вещей сверх нужной потребности...» [28, с. 145]. В более простой формулировке – «*Все, что лишнее, – не мое*». Здесь нестяжательская установка прямо противостоит современному иррациональному материальному потребительству. Что касается собственно экономики, то ее нестяжательский подход рассматривает лишь как *средство воспроизводства здорового и культурного человека, гармоничных социальных отношений между людьми, а также благоприятной окружающей среды*.

Неслучайно С.Н. Булгаков, а вслед за ним и евразиец П.Н. Савицкий противопоставили *хозяйство* утилитарно-потребительской экономике. Булгаков видел его воплощение в организации хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря [9, с. 332–344]. Он был убежден, что и современная хозяйственная деятельность «может быть общественным служением и исполнением нравственного долга, и только при таком к ней отношении и при воспитании общества в таком ее понимании создается наиболее благоприятная духовная атмосфера как для развития производства, так и для реформ в области распределения, для прогресса экономического и социального» [4, с. 366]. С возможностью создания экономики нестяжательского типа был согласен и Н.Н. Алексеев, считая, что «нестяжательство может быть соединено с величайшим вниманием к вещам, но не во имя корысти, а во имя заповеди труда, любви к ближнему и к Божьему миру. Возможна система хозяйства, построенного на принципе нестяжательства» [1, с. 281].

Русская история донесла до нас имена крупных отечественных предпринимателей, у которых были цели и ценности, превосходящие ценности богатства и власти. Одному из таких русских предпринимателей, энтузиасту освоения Севера, Михаилу Константиновичу Сидорову посвятил прекрасный очерк Валентин Пикуль. Сидоров прямо причастен к открытию на Севере нефтяных и угольных месторождений, организации навигации по Северному морскому пути, изучению и сохранению быта северных народов. Он даже капиталы свои не завещал детям, а направил на нужды изучения и освоения Севера, в том числе для развития образования его коренных жителей. Именно о таких предпринимателях В. Пикуль очень точно написал: «Сейчас нам уже трудно представить капиталистами П.М. Третьякова, основавшего картинную галерею, “канительного” фабриканта К.С. Станиславского, создавшего знаменитый МХАТ, московского купца А.А. Бахрушина, растратившего свои богатства на устройство музея театрального искусства, – для нас имена этих людей связаны уже не с миллионами... а с тем, во что они эти миллионы вложили» [22, с. 375].

Нестяжательское мировоззрение имеет вполне определенные и экологические аспекты, поскольку подразумевает сокращение иррациональных материальных потребностей и сохранение природных ресурсов, и аспекты социальные, подчеркивая значение многообразных кооперативных связей между людьми и важную роль, которую призваны играть независимые общественные организации, дополняя деятельность государственных структур. Несомненна и антропологическая его составляющая: как отмечал тот же Н.Н. Алексеев, главной задачей государства и общества является создание оптимальных условий для всестороннего развития человека [1, с. 317]. Учитывая ограниченные рамки статьи, мы оставим эти нюансы без детального раскрытия.

Отметим в завершение лишь два важных момента. Во-первых, могло сложиться впечатление, что нестяжательские идеи и практики развивались только в отечественной культуре. Это, конечно, не так. В западной традиции подобные установки в другой терминологии и с опорой на другие источники присутствуют в прекрасных работах социального философа и психолога Э. Фромма, особенно в его книге «Иметь или быть», в трудах психолога В. Франкла, теолога К.С. Льюиса, в романах Дж. Толкиена (несмотря на то, что дикие орки в его романах атакуют земли Запада с Востока). Что касается личностных жизненных образцов, то здесь надо вспомнить великого гуманиста XX в. А. Швейцера с его подвижническим служением в качестве врача в самых глухих районах Африки. Это доказывает всеобщность нестяжательских идей и идеалов и возможность **широкого межкультурного диалога** на их основе, когда нынешняя мировая конфронтация и культ материального потребления неизбежно пойдут на спад.

Во-вторых, нестяжательские идеи и идеалы – это не исторический архив и не утопия, как это может показаться обывательскому сознанию, а важнейший фактор формирования новой **духовно-экологической цивилизации**, идущей на смену нынешней **техногенно-потребительской цивилизации**, стяжательской по самой своей сути и олицетворяемой странами объединенного Запада. Живые нестяжательские традиции России позволяют надеяться на ее фундаментальный вклад в процесс этой глобальной и сложной цивилизационной трансформации человечества к более справедливому и разумному мироустройству⁸.

Иванов Андрей Владимирович – доктор философских наук, профессор, директор Центра гуманитарного образования Алтайского государственного аграрного университета.
656049, Россия, Барнаул, Красноармейский пр., д. 98.

Andrey V. Ivanov – Sc.D. in Philosophy, Professor, Director of the Center for Humanitarian Education, Altai State Agrarian University.
656049, 98 Krasnoarmeisky pr., Barnaul, Russia.
ivanov_a_v_58@mail.ru

Фотиева Ирина Валерьевна – доктор философских наук, доцент, профессор Алтайского государственного университета.
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61.

Irina V. Fotieva – Sc.D. in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Altai State University.
656049, 61 pr. Lenina, Barnaul, Russia.
fotieva@bk.ru

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
3. Бердяев Н.Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. 528 с.
4. Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Булгаков С.Н. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Избранные статьи. М.: Наука, 1999. 751 с.
5. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Собр. соч. В 15 т. Т. 4. Л.: Наука, 1989. С. 388–452.
6. Достоевский Ф.М. Человек есть тайна... М.: Известия, 2003. 573 с.
7. Древнекитайская философия. Собр. текстов. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972. 363 с.
8. Иванов А.В. Возвращение к Советам: утопия или историческая необходимость // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2022. № 5. С. 22–39.
9. Иванов А.В. Новый опыт метафизики всеединства. Барнаул: Пять плюс, 2017. 364 с.

⁸ Более подробно о духовно-экологической цивилизации и путях перехода к ней см.: Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития. Барнаул, 2022.

10. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул: Изд-во АлтГТУ им. И.И. Ползунова: Изд-во Фонда «Алтай-21 век», 2006. 640 с.
11. Иванов А.В., Фотиева И.В. Современное университетское образование: административно-бюрократический произвол и его последствия // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 4–1. С. 113–128.
12. Иеромонах Иоанн (Кологривов). Очерки по истории русской святости. Брюссель: Жизнь с Богом. 418 с.
13. Исаков А.А. Эволюция общественного сознания средневековой Руси и философские идеи в нестяжательстве // Вестник Чувашского университета. 2007. № 4. С. 91–97.
14. Карташев А.В. История Русской Церкви. М.: Эксмо, 2004. 912 с.
15. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект Пресс, 1994. 368 с.
16. Климков О.С. Современное изучение спора Нила с Иосифом // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 34–2. С. 38–41.
17. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. 624 с.
18. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М.: Мысль, 1987. 447 с.
19. Кожин В.В. История Руси и русского Слова (Опыт беспристрастного исследования). М.: Алгоритм, 1999. 480 с.
20. Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарог, Московский рабочий, 1993. 400 с.
21. Максим Грек Преподобный. Творения. В 3-х частях. Репринтное издание. Ч. 1. Житие преподобного Максима Грека. Нравоучительные сочинения. Сергиев Посад. Изд-во: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. 290 с.
22. Пикуль В.С. Живая связь времен. М.: Профиздат, 1989. 560 с.
23. Платон. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. 830 с.
24. Преподобный Максим Грек. Духовно-нравственные слова. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. 408 с.
25. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж: YMGA-PRESS, 1983. 600 с.
26. Прохоров Г.М. Преподобный Нил Сорский и его место в истории русской духовности // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. СПб.: Изд-во Олега Обышко, 2008. 424 с.
27. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана (взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1991. № 4. С. 33–78.
28. Устав Нила Сорского // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. СПб.: Изд-во Олега Обышко, 2008. 424 с.
29. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 384 с.
30. Федотов Г.П. Трагедия древнерусской святости // Судьба и грехи России (избранные труды по философии русской истории и культуры). В 2 т. Т. 1. СПб.: София, 1991. 352 с.
31. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития. Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.

References

1. Alekseev N.N. Russkij narod i gosudarstvo. M.: Agraf, 1998. 640 s.
2. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M.: Nauka, 1990. 224 s.

3. Berdyaev N.N. Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachala XX veka // O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. M.: Nauka, 1990. 528 s.
4. Bulgakov S.N. Narodnoe hozyajstvo i religioznaya lichnost' // Bulgakov S.N. Sochineniya. V 2 t. T. 2. Izbrannye stat'i. M.: Nauka, 1999. 751 s.
5. Dostoevskij F.M. Zimnie zametki o letnih vpechatleniyah // Dostoevskij F.M. Sobr. soch. V 15 t. T. 4. L.: Nauka, 1989. S. 388–452.
6. Dostoevskij F.M. Chelovek est' tajna... M.: Izvestiya, 2003. 573 s.
7. Drevnekitajskaya filosofiya. Sobr. tekstov. V 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1972. 363 s.
8. Ivanov A.V. Vozvrashchenie k Sovetam: utopiya ili istoricheskaya neobhodimost' // Vestnik MGU. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2022. № 5. S. 22–39.
9. Ivanov A.V. Novyj opyt metafiziki vseedinstva. Barnaul: Pyat' plyus, 2017. 364 s.
10. Ivanov A.V., Fotieva I.V., Shishin M.Yu. Skrizhali metaistorii: tvorcy i stupeni duhovno-ekologicheskoy civilizacii. Barnaul: Izd-vo AltGTU im. I.I. Polzunova: Izd-vo Fonda «Altaj-21 vek», 2006. 640 s.
11. Ivanov A.V., Fotieva I.V. Sovremennoe universitetskoe obrazovanie: administrativno-byurokraticheskij proizvod i ego posledstviya // Idei i idealy. 2020. T. 12. № 4–1. S. 113–128.
12. Ieromonah Ioann (Kologrivov). Ocherki po istorii russkoj svyatosti. Bryussel': Zhizn' s Bogom. 418 s.
13. Isakov A.A. Evolyuciya obshchestvennogo soznaniya srednevekovoj Rusi i filosofskie idei v nestyazhatel'stve // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2007. № 4. S. 91–97.
14. Kartashev A.V. Istoriya Russkoj Cerkvi. M.: Eksmo, 2004. 912 s.
15. Klibanov A.I. Duhovnaya kul'tura srednevekovoj Rusi. M.: Aspekt Press, 1994. 368 s.
16. Klimkov O.S. Sovremennoe izuchenie spora Nila s Iosifom // Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike. 2016. № 34–2. S. 38–41.
17. Klyuchevskij V.O. Istorieskie portrety. Deyateli istoricheskoy mysli. M.: Pravda, 1990. 624 s.
18. Klyuchevskij V.O. Sochineniya. V 9 t. T. 2. Kurs russkoj istorii. Ch. 2. M.: Mysl', 1987. 447 s.
19. Kozhinov V.V. Istoriya Rusi i russkogo Slova (Opyt bespristrastnogo issledovaniya). M.: Algoritm, 1999. 480 s.
20. Leont'ev K.N. Izbrannoe. M.: Rarog, Moskovskij rabochij, 1993. 400 s.
21. Maksim Grek Prepodobnyj. Tvoreniya. V 3-h chastyah. Reprintnoe izdanie. Ch. 1. Zhitie prepodobnogo Maksima Greka. Nravouchitel'nye sochineniya. Sergiev Posad. Izd-vo: Svyato-Troickaya Sergieva Lavra, 1996. 290 s.
22. Pikul' V.S. Zhivaya svyaz' vremen. M.: Profizdat, 1989. 560 s.
23. Platon. Sobr. soch. V 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1994. 830 s.
24. Prepodobnyj Maksim Grek. Duhovno-nravstvennye slova. Sergiev Posad: Svyato-Troickaya Sergieva Lavra, 2006. 408 s.
25. Prot. Georgij Florovskij. Puti russkogo bogosloviya. Parizh: YMGA-PRESS, 1983. 600 s.
26. Prohorov G.M. Prepodobnyj Nil Sorskij i ego mesto v istorii russkoj duhovnosti // Prepodobnye Nil Sorskij i Innokentij Komel'skij. Sochineniya. SPb.: Izd-vo Olega Obyshko, 2008. 424 s.
27. Trubeckoj N.S. Nasledie Chingiskhana (vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. 1991. № 4. S. 33–78.
28. Ustav Nila Sorskogo // Prepodobnye Nil Sorskij i Innokentij Komel'skij. Sochineniya. SPb.: Izd-vo Olega Obyshko, 2008. 424 s.
29. Fedotov G.P. Svyaty Drevnej Rusi. Rostov-na-Donu: Feniks, 1999. 384 s.
30. Fedotov G.P. Tragediya drevnerusskoj svyatosti // Sud'ba i grekhi Rossii (izbrannye trudy po filosofii russkoj istorii i kul'tury). V 2 t. T. 1. SPb.: Sofiya, 1991. 352 s.
31. Civilizacionnaya missiya Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitel'skoj k duhovno-ekologicheskoy strategii global'nogo i regional'nogo razvitiya. Barnaul: Novyj format, 2022. 368 s.